

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИЯ НАУКИ / LITERARY THEORY AND THE HISTORY OF SCIENCE

А.Е. Ефименко
A.E. Efimenko

НАРРАТОЛОГИЯ В.И. ТЮПЫ

V.I. TIUPA'S NARRATOLOGY

Написанная к 80-летию юбилею выдающегося российского нарратолога Валерия Игоревича Тюпы, статья касается самых базовых понятий «нарратологии Тюпы». Указывается на то, что исходное осмысление Тюпой нарратива происходит в русле идей М.М. Бахтина, поскольку Тюпа неизменно исходит из трактовки М.М. Бахтиным эпического художественного произведения (нарратива) как двоякого события – референтного и коммуникативного. С другой стороны, Тюпа понимает, что нарратив как явление знаковое строится по правилам некоторого «языка», или кода. Следовательно, изучение нарратива требует обязательного рассмотрения базовых вопросов нарратологии как науки о нарративе – вопросов об уровнях нарратива и о единицах этих уровней. Подчеркивается, что в этих вопросах Тюпа переосмысливает концепцию трех уровней нарратива, предложенную Ж. Женетом, и предлагает свою систему нарративных единиц, характерных для каждого из уровней. При этом поистине революционной новацией Тюпы является то, что термин наррация он употребляет не так, как Женетт, а принципиально иначе: у Тюпы наррация – это эпизодизация нарративной истории. Теоретическое осмысление категории эпизода как центральной единицы уровня наррации оказывается неразрывно связано с категорией художественного времени, которое включает не только диегетическое время, но и медиальное время. Типы эпизодов выводятся на основе соотношения между этими двумя разновидностями художественного времени. Поскольку в основе любого нарратива лежит принцип присоединения знаков и цепочек знаков, служащий для построения синтагм, то в конечном счете изучение порождения нарратива – это выявление закономерностей порождения синтагм трех его уровней: синтагмы нарративной истории, синтагмы наррации, синтагмы вербализации наррации. В частности, в статье кратко описаны трактовки Тюпой синтагматики нарративной истории и синтагматики наррации с некоторыми дополнениями, принадлежащими автору настоящей статьи как ученику и в значительной мере последователю В.И. Тюпы.

Ключевые слова: В.И. Тюпа, уровни нарратива, единицы нарратива, художественное время, эпизод, синтагматика нарративной истории, синтагматика наррации.

Written for the 80th anniversary of the outstanding Russian narratologist Valerij I. Tiupa, the article deals with the most basic concepts of "Tiupa's narratology". It is pointed out that Tiupa's initial understanding of narrative is based on the ideas of Mikhail M. Bakhtin, as Tiupa consistently follows Bakhtin's interpretation of an epic work of art (narrative) as a dual event – a referential and a communicative event. On the other hand, Tiupa understands that a narrative, as a semiotic phenomenon, is constructed according to the rules of a certain "language" or code. Therefore, the study of narrative requires a mandatory consideration of the basic issues of narratology as a science of narrative – the issues of narrative levels and the units of these levels. It is emphasized that in these issues, Tiupa reinterprets the concept of three levels of narrative proposed by G. Genette and proposes his own system of narrative units specific to each level. However, what is truly revolutionary about Tiupa's approach is that he uses the term "narration" in a fundamentally different way than Genette. For Tiupa, narration is the episodization of a narrative story. The theoretical understanding of the episode category as the central unit of the narrative level is inextricably linked to the category of fictional time, which includes not only diegetic time but also medial time. Episode types are derived from the relationship between these two types of fictional time. Since any narrative is based on the principle of adding signs and chains of signs to construct syntagms, the study of narrative generation ultimately involves identifying the patterns of generating syntagms at three levels: the syntagms of narrative history, the syntagms of narration, and the syntagms of verbalization of narration. In particular, the article briefly describes Tiupa's interpretations of the syntagmatics of narrative history and the syntagmatics of narration, with some additions made by the author of this article as a student and, to a large extent, a follower of Tiupa.

Key words: *V.I. Tiupa, narrative levels, narrative units, fictional time, episode, composition, syntagmatics of narrative story, syntagmatics of narration.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-70-3-64-72

Ниже мы предлагаем краткий очерк некоторых наиболее важных достижений выдающегося российского нарратолога Валерия Игоревича Тюпы, чей 80-летний юбилей отмечался филологической общественностью в 2025 году. Они относятся к нарратологии – науке, которая появилась в России в значительной степени благодаря немалым усилиям Тюпы. При этом автор настоящего очерка будет характеризовать не всю «нарратологию Тюпы», а лишь те ее базовые категории, без которых дальнейшее развитие этой молодой науки совершенно невозможно, а также попутно и концепции некоторых других теоретиков литературы и нарратологов – предшественников и коллег Тюпы. Поэтому сначала мы рассмотрим, как понимает Тюпа предмет нарратологии, т.е. нарратив, и какие уровни и единицы он в нем выделяет. Вопрос об уровнях и единицах нарратива будет затем более подробно охарактеризован при рассмотрении таких важных нарратологических тем, как художественное время, теория эпизода и, наконец, парадигматика и синтагматика в нарратологии. При этом внимательный читатель не сможет не заметить, что порой автор очерка вносит дополнительное собственное осмысление в анализируемые категории, на что, думается, он имеет право, поскольку является учеником и в значительной мере последователем Валерия Игоревича Тюпы.

Категория нарратива

Нарратологический подход к художественному произведению как к нарративу означает углубленное изучение «речевых практик рассказывания историй» [20, 3].

При этом в понимании того, что такое нарратив, В.И. Тюпа неизменно исходит из трактовки М.М. Бахтиным эпического художественного произведения (нарратива) как двоякого события – референтного и коммуникативного: «Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении (диегетическое событие, в терминологии Тюпы. – А.Е.), и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели) (экзегетическое событие, в терминологии Тюпы. – А.Е.); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте» [5, 500], или, называя его в современной терминологии, – как дискурс, и, в частности, нарративный дискурс, т.е. нарратив.

Проблема уровней нарратива и их единиц

Совершенно очевидно, что нарратив как явление знаковое строится по правилам некоторого «языка», или кода. При этом, как учит семиотика, «все языки имеют те же структурные параметры, что и вербальный (уровневая организация системы, скрепляемая отношениями парадигматики, синтагматики, иерархического соподчинения и включения)» [6, 72]. Следовательно, изучение нарратива требует обязательного рассмотрения базовых вопросов нарратологии как науки о нарративе – вопросов об уровнях нарратива, о единицах этих уровней и о парадигматических и синтагматических отношениях между этими единицами.

Как отмечает Ю.М. Лотман, «идея анализа по уровням вообще присуща современной науке» [12, 759]. Поэтому вопрос о структуре нарратива, который возник в 60-х гг. XX в. вслед за структурной лингвистикой сначала в поэтике, а затем и в нарратологии, неизбежно вывел исследователей на вопрос об уровнях этой структуры: «необходимым условием построения транслингвистики как науки (транслингвистика – одно из ранних названий нарратологии. – А.Е.) является установление для каждого из описываемых ею объектов тех уровней, на которые будут расчленяться соответствующие связные тексты» [3, 445–446].

Однако в нарратологии, в отличие от поэтики, для обозначения уровней нарратива не используются соотносительные термины, введенные русскими формалистами, т.е. *фабула* и *сюжет*. К тому же сами формалисты не воспринимали их как уровни. Проблема уровней была поставлена в нужной степени четкости лишь в формировавшейся тогда западноевропейской нарратологии, и это было сделано раньше всех Роланом Бартом [2, 201–202].

Барт выделяет три уровня произведения: содержание (сюжет), дискурс и слово [4, 378]. Подчеркнем принципиальную важность не двухъярусного понимания этой структуры (как у формалистов: *фабула* vs. *сюжет*), а именно трехъярусного. Оно же представлено и у Жерара Женетта, однако в значительно более точном, чем у Барта, терминологическом воплощении.

Женетт также выделяет в нарративе три уровня, но у него это: 1) уровень истории, 2) уровень повествования в собственном смысле и 3) уровень наррации [8, 64]. Термин *история* служит для названия «повествовательного означаемого, или содержания» [8, 64] («рассказываемого события», по Бахтину, или *фабулы*, по Шкловскому, Эйхенбауму, Тынянову, Томашевскому); термин *повествование в собственном смысле* служит для названия «означающего, высказывания, дискурса, или собственно повествовательного текста» [8, 64]; термин *наррация* – «для порождающего повествовательного акта» [8, 64] («события рассказывания», по Бахтину).

Эта женеттовская концепция трех уровней нарратива была существенно скорректирована в трактовке В.И. Тюпы. Одновременно у Тюпы, в отличие от Женетта, вопрос об уровнях – это в значительной мере и вопрос о единицах этих уровней, поскольку каждый из уровней должен характеризоваться своими собственными, только ему присущими единицами. Таким образом, согласно трактовке Тюпы, уровнями нарратива и их единицами являются: 1) уровень нарративной истории; его единица –

событие [18, 37–38]; 2) уровень наррации; его единица – эпизод [18, 47]; 3) уровень вербализации наррации; его единица – «нарративный кадр ментального видения» [18, 52].

Как видим, понимание Тюпой только одного уровня из трех осталось в целом женеттовским: нарративная история понимается по-прежнему как «система событий» нарратива [18, 38]. Однако поистине революционной новацией Тюпы явилось то, что термин *наррация* он употребляет не так, как Женетт, т.е. не как повествовательный акт [8, 64] (и тем более не так расплывчато, как Д. Принс, у которого наррация – это просто «изложение (the recounting) серии ситуаций и событий» [24, 58]), а принципиально иначе: «наррация – это эпизодизация истории» [18, 47].

Но понятно, что такая трактовка наррации, в свою очередь, вызывает повышенное внимание к исходной для эпизодизации категории – к категории эпизода. Однако для его рассмотрения нам надо вначале проанализировать то, как нарратологи понимают одну из важнейших категорий нарратива – художественное время и какой вклад в это понимание внес Тюпа.

Категория художественного времени

В самом общем виде понятие художественного времени означает категорию, «в которой выражается (темпоральное. – *А.Е.*) отношение между временем истории и временем дискурса» [8, 66] (причем категория дискурса здесь нерасчлененно покрывает и наррацию, и вербализацию наррации). По словам Г.А. Жиличевой, взаимодействие между ними Женетт считает «ключевым принципом строения нарратива» [9, 99].

Исследуя категорию времени нарратива, Женетт вводит в число субкатегорий художественного времени понятие длительности, которая касается «отношений между переменной длительностью <...> событий, или диегетических сегментов, и псевдодлительностью (фактически – длиной текста) их подачи в повествовании (в наррации. – *А.Е.*)» [8, 71]. У Женетта речь идет о соотношении времени истории (ВИ), понимаемой как последовательность событий, произошедших в фикциональной действительности, и времени повествования (ВП), понимаемого как форма изложения этой последовательности. Поскольку В.И. Тюпа об этих же единицах говорит как о «длительности диегетического времени» и о «времени его репрезентации (времени говорения)» [16, 34], то мы будем называть их ниже не временем истории (ВИ), а диегетическим временем (ДВ) и не временем повествования (ВП), а медиальным временем (МВ). Опираясь на эти концепции художественного времени, предложенные Женеттом и Тюпой, и учитывая ценное указание Т.В. Матвеевой о том, что «художественное время не просто устанавливает связь содержания с осью времени, но и создает образ времени и образ восприятия времени» [13, 355], мы приходим к важному выводу: особая образность художественного времени проявляется именно в разных типах соотношений между диегетическим временем нарратива и его медиальным временем.

Все эти рассуждения позволяют нам далее перейти непосредственно к теории эпизода в том виде, как она разработана Тюпой и дополнена нами.

Теория эпизода

Как мы помним, по Тюпе, эпизоды есть единицы наррации. По указанию Тюпы, ссылающегося здесь на Г.Н. Пospelova, каждый из эпизодов характеризуется «тройственным единством: а) места; б) времени и в) действия, точнее – состава актантов (действующих лиц или сил)» [15, 41]. Такая тройственная характеристика эпизодов позволяет безошибочно проводить границу между каждым из них.

Однако для дальнейшего обсуждения вопроса нам придется здесь вновь ненадолго отойти непосредственно от работ Тюпы и описать одну важнейшую идейную новацию, введенную Женеттом.

Дело в том, что Женетт на основе темпорального соотношения между ДВ и МВ (в принятой нами только что терминологии) выводит 4 типа нарративных движений (*mouvements narratifs* [23, 129]), построенных по следующим формулам: 1) пауза (*pause*): «МВ есть, ДВ нет»; 2) сцена (*scène*): «ДВ равно МВ»; 3) резюме, или обзор (*sommaire*):

«МВ меньше ДВ»; 4) эллипсис (ellipse): «МВ нет, ДВ есть» [8, 125; 23, 129]. Эти 4 типа нарративных движения можно трактовать как 4 типа эпизодов (ср. у Умберто Эко: «время, в котором разворачивается повествование» – это «время, которое связывает один *эпизод* (курсив наш. – А.Е.) с другим») [22, 188].

Полагаем, что полученная в этом случае 4-членная классификация эпизодов полнее и точнее отражает литературную реальность, чем 2-членная типология эпизодов, разработанная В.Е. Хализевым, Л.В. Чернец и их учениками. Так, Хализев предлагает выделять в эпическом произведении оппозицию только двух типов эпизодов: сценического эпизода (аналогичного сцене у Женетта) и обзорного эпизода (приблизительно аналогичного резюме у Женетта). В сценическом эпизоде «поведение героев тщательно детализируется» [21, 221] (пример Хализева – «изображение вечера в доме Анны Павловны Шерер в первых главах "Войны и мира" Л. Толстого» [21, 221] (в действительности это не один эпизод, а блок сценических эпизодов. – А.Е.)). Напротив, в обзорном эпизоде сообщается «о происходившем в длительные промежутки времени и в разных местах» [21, 221] (пример Хализева также из «Войны и мира» – глава, «посвященная укладу московской жизни старого князя Болконского и его дочери» [21, 221] (вновь не один эпизод, а блок обзорных эпизодов. – А.Е.)).

Однако прочие типы эпизодов этой 2-членной классификацией не покрываются. Так, в типологии Хализева, Чернец и их учеников описания, рассуждения, авторские характеристики, т.е. паузы (не говоря уже об эллипсисе), не рассматриваются в качестве эпизодов. Поэтому верная ученица Чернец Е.Е. Сергеева полагает, что «сообщение» не является эпизодом: «В сюжетной композиции (в наррации. – А.Е.) эпизод противостоит сообщению, упоминанию о событии» [14, 6]. Из ее априорного утверждения о том, что «эпизод – это детализированное изображение события, а не краткий пересказ» [14, 8], делается вывод: «не всякий компонент сюжета (наррации. – А.Е.) представляет собой эпизод» [14, 18]. Однако подход к эпизоду Тюпы отвергает эту позицию: в наррации все ее сегменты являются эпизодами, но эпизодами разных типов и размеров, так что сообщение – это тоже эпизод, а именно, резюме. Тюпа специально подчеркивает, что объем каждого из эпизодов «может чрезвычайно широко варьироваться: от единичной фразы до полного текста в случае его <...> нечленимости на эпизоды» [15, 41].

Более того: как указывает Тюпа, «в качестве эпизода порой приходится рассматривать не только сцену, происшествие, но и как будто бессобытийный участок текста (нарратива. – А.Е.)» [15, 41]. К последнему относятся все виды пауз как типов эпизодов: описания, рассуждения, суждения, характеристики, лирические и авторские отступления. Не забудем наконец и такую специфическую разновидность эпизода, как эллипсис, т.е. намеренный пропуск эпизода. Приведенный тезис также является несомненной новацией Тюпы, поскольку мы только что цитировали совсем иные трактовки.

В своей недавней монографии «Горизонты исторической нарратологии» В.И. Тюпа подчеркивает, что «именно эпизод – основная единица измерения нарративного текста. Конфигурация эпизодов <...> являет собой самую сущность рассказывания» [17, 37], а именно, выстраивания нарративных синтагм всех уровней.

Синтагматика нарратива

Говорить о синтагматике нарратива – это говорить о типах нарративных синтагм. При этом нас будут интересовать синтагмы на уровне нарративной истории и синтагмы на уровне наррации, т.е. синтагматика событий и синтагматика эпизодов соответственно.

Синтагматику событий в самом общем виде описывает известная формула американского философа А. Данто, часто цитируемая Тюпой, о внесении порядка при выстраивании причинно-следственных связей между некоторыми диегетическими событиями как факторе создания нарратива: «Всякий рассказ – это структура, навязанная событиями, группирующая их друг с другом и исключая некоторые из них как недостаточно существенные» [19, 5].

При этом в исследованиях Тюпы мы находим множество конкретных наблюдений

над построением синтагматики нарративной истории. Таково, например, его остроумное суждение о недопустимости диегетической «преждевременности» в «Фаталисте» М.Ю. Лермонтова: «Пари с Печориным <...> как бы структурно оберегает Вулича от сюжетно (диегетически. – А.Е.) преждевременной смерти: если бы пистолет не дал осечку, новеллистический сюжет просто не сложился бы» [15, 40]. В другом месте, анализируя синтагматику нарративной истории, он говорит, не употребляя этого термина, о макгаффине, т.е. о том референте, «единственная роль которого состоит в том, чтобы привести историю в движение» [10, 108]: «Котятта здесь (в рассказе А.П. Чехова «Событие». – А.Е.) – окказиональный сверхценный объект, аналог мифологического "золотого руна"» [16, 55].

Синтагматикой эпизодов является такое развертывание наррации, при котором каждая «единица отсылает <...> к следующей за ней и ее дополняющей единице» [2, 206], то есть один вводимый эпизод тем или иным способом мотивирует какой-то последующий эпизод (эпизоды), расположенный по отношению к первому или контактно, или дистантно. Нередко этот первый эпизод является мотивировкой второго (третьего, четвертого и т.д.), образуя с ним (ними) мотивировочно-эпизодный блок (или отрезок) эпизодов (МЭБЭ) и в целом вся цепь эпизодов наррации предстает как последовательность этих блоков, или отрезков, связанных такими «отношениями солидарности» [2, 213], при которых «две единицы взаимно предполагают друг друга» [2, 235]. Ярким проявлением наррационной синтагматики являются блоки эпизодов, вводимых некоторыми нарративными фигурами. Так, ввод фигуры аналепсиса обуславливает следующий МЭБЭ: мотивировка нарративной фигуры → фигура → выход из фигуры¹¹.

Из всего сказанного естественно следует вывод о том, что и нарративная история, и наррация синтагматичны, а не парадигматичны, так как и история, и наррация представляют собой синтагмы, или последовательности, или цепи: нарративная история – цепь событий (ср. у Умберто Эко: «под историей <...> мы понимаем развитие событий, ведущее нас от некой начальной точки к некой точке конечной, о которой в начале мы не имеем никакого представления»¹² [23, 197]), так же как наррация – сцепление эпизодов, поскольку «в основе повествовательных жанров словесных искусств лежит принцип присоединения знаков и цепочек знаков» [11, 792]. Из всего сказанного вытекает, что изучение порождения нарратива – это выявление закономерностей построения (порождения) его синтагм (структур): синтагмы нарративной истории, синтагмы наррации, синтагмы вербализации наррации.

Заключение

Предложенный обзор далеко не полностью охватывает все теории и концепции нарратологии, разработанные Тюпой. Однако даже то немногое, что мы сейчас изложили, думаю, убедительно подтверждает важность и правоту слов, сказанных о В.И. Тюпе его последователями: «Обращает на себя внимание мастерство Валерия Игоревича приумножать теоретическое знание <...> посредством строгой ревизии и принципиального очерчивания границ уже сложившегося понятийного языка, а также при помощи выявления понятийных лакун и заполнения их (по необходимости!) недостающими категориями» [1, 9].

1. Агратин А.Е., Красников Я.Е. В.И. Тюпа как центр притяжения: не-только-научный диалог с профессором // Теоретик. Юбиляр. Преподаватель. Автор: к 80-летию Валерия Игоревича Тюпы: сборник научных статей / сост. и ред. А.Е. Агратин, Ю.В. Доманский, В.Я. Малкина. М., 2025. С. 8–12.

2. Барт Р. Введение в структурный анализ художественных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост. и вступ. ст.

¹¹ Подробнее об этом: Ефименко А.Е. Фигура аналепсиса и система ее мотивировок. М., 2025 [7].

¹² Ср. с концепцией нарративной интриги, понимаемой Тюпой как «читательское ожидание» развития действия [18, 95].

- Г.К. Косикова. М., 2000. С. 196–238.
3. Барт Р. Лингвистика текста / пер. с фр. Т.Д. Корельской // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. М., 1978. С. 442–449.
 4. Барт Р. От науки к литературе / пер. с фр. С. Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. и вступит. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. С. 375–383.
 5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961). М., 2012. С. 340–503.
 6. Бразговская Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учебное пособие. Пермь, 2008.
 7. Ефименко А. Е. Фигура аналепсиса и система ее мотивировок. М., 2025.
 8. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 60–281.
 9. Жиличева Г.А. Тема времени и время повествования в русском романе 1920–1950-х годов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 99–108.
 10. Кошин Е.Б. Макгаффин Хичкока в фикциональном дискурсе // Литературоведческий сборник. Вып. 45–46. Донецк, 2011. С. 107–118.
 11. Лотман Ю.М. Замечания о структуре повествовательного текста // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 789–793.
 12. Лотман Ю.М. Литературоведение должно быть наукой // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 756–765.
 13. Матвеева Т.В. Текстовое время (темпоральность) // Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003. С. 354–356.
 14. Сереева Е.Е. Эпизод в драматическом и эпическом произведении («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» А.Н. Островского, «Война и мир» Л.Н. Толстого): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
 15. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. 3-е изд., стер. М., 2009.
 16. Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М., 2016.
 17. Тюпа В.И. Горизонты исторической нарратологии. СПб., 2021.
 18. Тюпа В.И. Лекции по неклассической нарратологии. Тегеран, 2018.
 19. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» Чехова). Тверь, 2001.
 20. Тюпа В.И. Предисловие // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В.И. Тюпы. М., 2022. С. 3–5.
 21. Хализев В.Е. Особенности эпических произведений // Введение в литературоведение: учебник для филол. спец. ун-тов / под ред. Г.Н. Поспелова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1988. С. 219–240.
 22. Эко У. Миф о Супермене / пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного // Эко У. Роль читателя. СПб., 2005. С. 177–206.
 23. Genette G. Discours du récit // Genette G. Figures III. Paris, 1972. Pp. 65–282.
 24. Prince G. A Dictionary of Narratology. Lincoln and London, 2003.
1. Agratin A.E., Krasnikov Ya.E. V.I. Tyupa kak tsentr prityazheniya: ne-tol'ko-nauchnyy dialog s professorom // Teoretik. Yubilyar. Prepodavatel'. Avtor: k 80-letiyu Valeriya Igorevicha Tyupy: sbornik nauchnykh statey / sost. i red. A.E. Agratin, Yu.V. Domanskiy, V.Ya. Malkina. M., 2025. S. 8–12.
 2. Bart R. Vvedenie v strukturnyy analiz khudozhestvennykh tekstov // Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / per. s fr., sost. i vstup. st. G.K. Kosikova. M., 2000. S. 196–238.
 3. Bart R. Lingvistika teksta / per. s fr. T.D. Korel'skoy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Вып. VIII. Lingvistika teksta / sost., obshch. red. i vstup. st. T.M. Nikolaevoy. M., 1978. S. 442–449.
 4. Bart R. Ot nauki k literature / per. s fr. S. N. Zenkina // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika / sost., obshch. red. i vstupit. st. G.K. Kosikova. M., 1989. S. 375–383.

5. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* // Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy*: v 7 t. T. 3. *Teoriya romana (1930–1961)*. M., 2012. S. 340–503.
6. Brazgovskaya E.E. *Yazyki i kody. Vvedenie v semiotiku kul'tury: uchebnoe posobie*. Perm', 2008.
7. Efimenko A. E. *Figura analepsisa i sistema ee motivirovok*. M., 2025.
8. Zhenett Zh. *Povestvovatel'nyy diskurs* // Zhenett Zh. *Figury*: v 2 t. T. 2. M., 1998. S. 60–281.
9. Zhilicheva G.A. *Tema vremeni i vremya povestvovaniya v russkom romane 1920–1950-kh godov* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2014. № 3 (29). S. 99–108.
10. Koshin E.B. *Makgaffin Khichkoka v fiktional'nom diskurse* // *Literaturovedcheskiy sbornik*. Vyp. 45–46. Donetsk, 2011. S. 107–118.
11. Lotman Yu.M. *Zamechaniya o strukture povestvovatel'nogo teksta* // Lotman Yu.M. *O russkoy literature. Stat'i i issledovaniya (1958–1993)*. SPb., 1997. S. 789–793.
12. Lotman Yu.M. *Literaturovedenie dolzhno byt' naukoy* // Lotman Yu.M. *O russkoy literature. Stat'i i issledovaniya (1958–1993)*. SPb., 1997. S. 756–765.
13. Matveeva T.V. *Tekstovoe vremya (temporal'nost')* // Matveeva T.V. *Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika*. M., 2003. S. 354–356.
14. Sergeeva E.E. *Epizod v dramaticheskom i epicheskom proizvedenii* («Dmitriy Samozvanets i Vasilij Shuyskiy» A.N. Ostrovskogo, «Voyna i mir» L.N. Tolstogo): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2007.
15. Tyupa V.I. *Analiz khudozhestvennogo teksta. 3-e izd., ster.* M., 2009.
16. Tyupa V.I. *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu*. M., 2016.
17. Tyupa V.I. *Gorizonty istoricheskoy narratologii*. SPb., 2021.
18. Tyupa V.I. *Lektsii po neklassicheskoy narratologii*. Torun, 2018.
19. Tyupa V.I. *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa* («Arkhierей» Chekhova). Tver', 2001.
20. Tyupa V.I. *Predislovie* // *Tezaurus istoricheskoy narratologii (na materiale russkoy literatury): eksperimental'nyy slovar' / pod red. V.I. Tyupy*. M., 2022. S. 3–5.
21. Khalizev V.E. *Osobennosti epicheskikh proizvedeniy* // *Vvedenie v literaturovedenie: uchebnyy dlya filol. spets. un-tov / pod red. G.N. Pospelova. 3-e izd., ispr. i dop.* M., 1988. S. 219–240.
22. Eko U. *Mif o Supermene / per. s angl. i ital. S.D. Serebryanogo* // *Eko U. Rol' chitatelya*. SPb., 2005. S. 177–206.
23. Genette G. *Discours du récit* // Genette G. *Figures III*. Paris, 1972. Pp. 65–282.
24. Prince G. *A Dictionary of Narratology*. Lincoln and London, 2003.

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Ефименко,
 Российский университет дружбы народов
 имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия).
 117198, Россия, Москва,
 ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
 Кандидат филологических наук,
 старший педагог дополнительного образования
 кафедры русского языка и межкультурной
 коммуникации.
 Православный Свято-Тихоновский
 гуманитарный университет (Москва, Россия).
 109651, Российская Федерация, Москва,
 ул. Иловайская, д. 9, стр. 2.
 Доцент кафедры славянской филологии.
 Научные интересы: теория литературы,
 нарратология, нарративные фигуры,
 нарративные мотивировки.
 ORCID ID: 0000-0002-1922-7833
 SPIN-код: 1064-1012, AuthorID: 848558

Information about the author

Alexander E. Efimenko,
 Peoples' Friendship University of Russia named
 after Patrice Lumumba (Moscow, Russia).
 117198, Russia, Moscow,
 Miklukho-Maklaya Street, 6.
 Candidate of Sciences in Philology,
 Senior Lecturer of Additional Education
 of the Department of Russian Language
 and Intercultural Communication.
 Saint Tikhon's Orthodox University
 for the Humanities (Moscow, Russia).
 109651, Russia, Moscow,
 Ilovaikaya Street, 9, build. 2.
 Associate Professor of the Department of Slavic
 Philology.
 Research interests: literary theory, narratology,
 narrative figures, narrative motivations.
 ORCID ID: 0000-0002-1922-7833
 SPIN-код: 1064-1012, AuthorID: 848558

E-mail: yalishanda1966@vk.com

E-mail: yalishanda1966@vk.com

Поступила в редакцию 25.07.2026;
одобрена после рецензирования 31.08.2026;
принята к публикации 31.08.2026;
опубликована 18.09.2026.

The article was submitted 25.07.2026;
approved after reviewing 31.08.2026;
accepted for publication 31.08.2026;
published 18.09.2026.

Ссылка для цитирования: Ефименко, А.Е. Нарратология В.И. Тюпы // *Philologos*. 2026. № 3 (70). С. 64–72. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-70-3-64-72.

For citation: Efimenko, A.E. V.I. Tiupa's narratology // *Philologos*. 2026. No. 3 (70). Pp. 64–72. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-70-3-64-72.

Права: © А.Е. Ефименко (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).